

Н. А. Орловская

*профессор кафедры уголовного права и процесса
Национальной академии Государственной пограничной службы Украины
им. Богдана Хмельницкого, доктор юридических наук, профессор*

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Развитие науки предполагает переосмысление ее концептуальных положений, в том числе и выход на новый уровень понимания ее предмета. Не стала исключением и криминология. Украинские ученые активно обсуждают основы организации криминологических исследований, в частности, обращаются к предмету, функциям криминологии, таксономическим аспектам. На наш взгляд, это свидетельствует о четкой ориентации на качественное осмысление криминологически значимой информации, которое приходит на смену традиционному количественному ее (информации) приращению.

Сущностное представление о предмете криминологии можно получить, обратившись к ее функциям, которые связаны с уровнями познания объективной действительности. Можно говорить о следующих смысловых связках «феноменологический уровень познания – описательная функция криминологии»; «нефеноменологический – объяснительная функция»; «прогностический – прогностическая функция». На наш взгляд, нельзя обойти стороной и вопрос о преобразовательной функции криминологии, ибо она разрабатывает комплексы контролируемых изменений социума, отдельных социальных групп и личностей.

Однако выделение функций криминологии и их связь с уровнями познания объективной действительности не означает жесткой привязки функций к конкретным элементам предмета, в первую очередь, потому, что криминология имеет четко выраженную прикладную ориентацию. Все усилия должны сводиться к предупредительному контексту, ибо само по себе изучение преступности или преступника интересно, но бессмысленно.

С учетом такой постановки вопроса представляется целесообразным сформулировать авторское видение двух концептуальных аспектов современной криминологии:

является ли криминология правовой наукой;

следует ли разделять предмет криминологии и сферу ее интересов.

В качестве отправной точки такого видения обратимся к позиции Ю. М. Антоняна, высказанной в статье «О предмете криминологии», опубликованной в журнале «Вестник МГОУ» (Серия: Юриспруденция», 2016, № 2).

Обозначение характера криминологии через словосочетания «правовая наука», «комплексная социально-правовая наука» является достаточно традиционным. В то же время, читаем, что «нет никаких сомнений, что криминология принадлежит к числу юридических наук, но это не правовая наука, поскольку она не исследует норму права, не изучает человека с позиций уголовного права, т. е. тех особенностей, которые позволяют утверждать, что именно это лицо преступило уголовно-правовой запрет. Криминология среди юридических наук не единственная неправовая отрасль знания: кроме нее есть криминалистика, оперативно-розыскная деятельность» (Ю. М. Антонян, 2016).

На наш взгляд, это спорная позиция. Конечно, криминология не имеет отношения к нормативной регламентации оснований уголовной ответственности или процедуры привлечения к ней. Однако современная криминология активно изучает закон, его как антикриминальное, так и криминогенное воздействие на социум и общественные процессы, отдельные социальные группы и слои. И речь не идет только о криминологии уголовного закона.

Именно к сфере криминологии относится вопрос о нормативной детерминации преступности и, соответственно, разработка механизма нивелирования влияния нормативного фактора путем внедрения криминологической экспертизы, что особенно ярко проявляется в сфере противодействия коррупции, где антикоррупционная экспертиза – обязательное условие принятия любого нормативного акта.

Если же вернуться к собственно уголовному закону, то украинская наука активно разрабатывает вопросы уголовно-правового воздействия не только с точки зрения реакции на нарушение уголовно-правового запрета, но и применительно к формированию общественного правосознания, общей и групповой антикриминальной резистентности.

Именно криминология формирует стратегию предупреждения преступности: от понятия преступления (вспомним дискуссию об общественной опасности как признаке преступления) до концептуального и технологического обеспечения механизмов воздействия на преступность на общем, групповом и индивидуальном уровнях. Только криминология призвана оценить целесообразность новых моделей организации уголовной юстиции – ювенальной, восстановительной, и концептуально оформить их в случае необходимости.

Поэтому мы не можем разделить тезис Ю. М. Антоняна: «все, что выходит за рамки уголовного закона, не может быть предметом криминологии» (2016). Уголовный закон как материальная основа системы уголовной юстиции – одна из составляющих стратегии предупреждения преступности. Его особая роль заключается только в том, что именно в уголовном законе дается определение преступления и перечень таковых в Особенной части. Но и это

определение, и этот перечень – результат криминологического осмысления объективной действительности, а не ее пусковой механизм.

Таким образом, представляется, что криминологии никак нельзя отказать в правовом характере.

Второй аспект представляется нам чрезвычайно важным с точки зрения четкости определения «зон ответственности» социальных наук, ибо предмет науки не может быть безграничным. В этом контексте, например, Ю. М. Антонян говорит о том, что «такие факты, как проституция, алкоголизм, наркомания, бродяжничество, которые, выступая объектом изучения таких наук, как административное право и медицина, не могут не интересовать криминологию. Криминология никогда не должна включать в свой предмет все перечисленные социальные явления, т. е. все те факторы, за которые не предусмотрена уголовная ответственность, но они должны изучаться криминологией в аспекте их влияния на преступность».

Несмотря на определенную схожесть с первым аспектом, здесь формулируется другой вопрос – о разграничении предмета криминологии и сферы интересов этой науки.

Не совсем понятна позиция о сфере интересов криминологии. Преступность – глобальное явление, она присутствует во всех сферах жизни общества и влияет на них. Следовательно, сфера интересов криминологии безгранична. С другой стороны, среди социальных наук имеются конфликтология и девиантология, которые могут объявить сферой уже своих интересов преступление и преступность.

Очевидно, идея о разграничении предмета и сферы интересов вызвана необходимостью увязать «ограниченность» криминологии пределами, установленными уголовным правом, с неизбежностью криминологического исследования неуголовно-правовых явлений.

На наш взгляд, можно говорить о двух плоскостях дискурса: фоновых явлениях и антисоциальных практиках, к таковым не относящихся.

Что касается фоновых явлений, то исследовать их «в аспекте влияния на преступность», на наш взгляд, как раз и означает включить в предмет криминологии изучение механизма (!) их влияния на криминальную активность. Не вызывает сомнения, что эти явления выступают фактором самодетерминации преступности, обеспечивают криминальное наследование в определенных социальных группах, участвуют в механизме индивидуального преступного поведения (например, в привычном или свернутом его типах). Здесь внимание акцентируется преимущественно на последствиях существования данных факторов. Именно это и входит в предмет криминологии (этиология преступности, изучение преступника / лица, совершившего преступление, включая механизм индивидуального преступного поведения).

Можно ли включать иные аспекты фоновых явлений (медицинские, социальные, культурологические) в сферу интересов криминологии? Зачем, если для этого существуют специальные отрасли знания?

Совсем другое дело – устойчивые антисоциальные практики. Например, коррупция – это явление, устойчивая антисоциальная практика, а не состав правонарушения. Коррупция и противодействие ей изучаются наукой управления, социологией, культурологией, экономикой, психологией, гражданским (в плане возмещения вреда от коррупционных правонарушений), административным (в Кодексе об административных правонарушениях речь идет об административных правонарушениях, связанных с коррупцией) и уголовным (в УК Украины введено понятие «коррупционное преступление») правом. И это не полный перечень всех «заинтересованных» дисциплин.

Отрасли права интересуются коррупционными проявлениями именно с точки зрения оснований определенного вида юридической ответственности. Но сути это не меняет: коррупционные правонарушения – это отдельные проявления коррупции как масштабного социально-психологического явления. А возложение ответственности за их совершение – часть общей работы по предупреждению коррупции.

Криминология не должна непосредственно заниматься предупреждением коррупции, и криминологический интерес к коррупции не должен ограничиваться коррупционными преступлениями. Следовательно, применительно к антисоциальным практикам криминология не только включает в свой предмет их криминализованные проявления, докриминальные проявления как криминогенный фактор, особенности формирования преступника определенного типа, но и координирует результаты научных поисков в других отраслях знаний, приводя их к единому знаменателю – предупредительной деятельности.

С учетом изложенного нельзя согласиться с дифференциацией предмета и сферы интересов криминологии, поскольку последняя лишена смысловой нагрузки. Однако при этом невозможно отрицать различный формат включенности в предмет криминологии фоновых явлений и устойчивых антисоциальных практик.

Таким образом, криминология – это правовая наука. Ее предмет четко определен, и в выделении «сферы интересов» она не нуждается, однако необходимо различать фоновые явления и устойчивые антисоциальные практики, поскольку они принципиально отличаются форматом включения в предмет криминологической науки.

Современный этап развития криминологии характеризуется актуализацией концептуальных вопросов, однако следует еще раз подчеркнуть, что их решение, как и все в криминологической сфере должно быть подчинено главной цели – формированию стратегии предупреждения преступности.